

Вячеслав ИВАНОВ, академик:

Я встретил трех гениев

Известия - 2003 - 2 авг. - с. 13

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Чиновники не видят, что инвестиции в науку выгодны экономически. Впрочем, это плохо понимают и американские чиновники. Но в США очень много богатых людей, которые понимают выгоду вложений в науку, даже мне, иностранцу, легко с ними договориться. Сорос не исключение, российские же миллионеры до науки еще не доросли.

Знаменитый русский ученый Кондратьев открыл закон волнообразного развития общества с периодом в 25 лет: депрессия — упадок — подъем. Именно во время упадка создаются яркие научно-технические открытия, которые внедряются и обеспечивают подъем. Есть немало важнейших для человечества задач, которые мы способны решить быстрее США. Это создание информационных технологий будущего и создание энергетики, не зависящей от углеводородного сырья.

— Как гуманитарий, вы стоите за солнечную энергию, ветряную, приливную и проч.?

— Это несерьезно. Будущее — за термоядерным синтезом. Сталин в гораздо более тяжелых экономических условиях сумел создать ядерное оружие. Так и сейчас государству пора проявить волю. Это же смешно, когда квалифицированный программист получает на маленькой фирме в 10 раз больше, чем работая на государство.

— Приходится слышать, что Россия провалилась в щель, занимает в мировой культуре место не заметнее Румынии...

— В Америке интерес к России снизился. «Холодная война» закончилась: как враг мы были интересны, как друг — интересны еще не стали. Европа нам ближе. Но отворачивания мы ни у кого не вызываем. Возвращение России в число великих стран, как это было в XIX веке, зависит только от нас. Важно восстановить преемственность идей. Капица говорил мне, что необходимо возрождение замечательной русской философии, погубленной при коммунистическом режиме. На Западе чтят Тейяра де Шардена, а великого Вернадского, который

Борис Пастернак

пришел к тем же идеям еще раньше, забывают даже у нас.

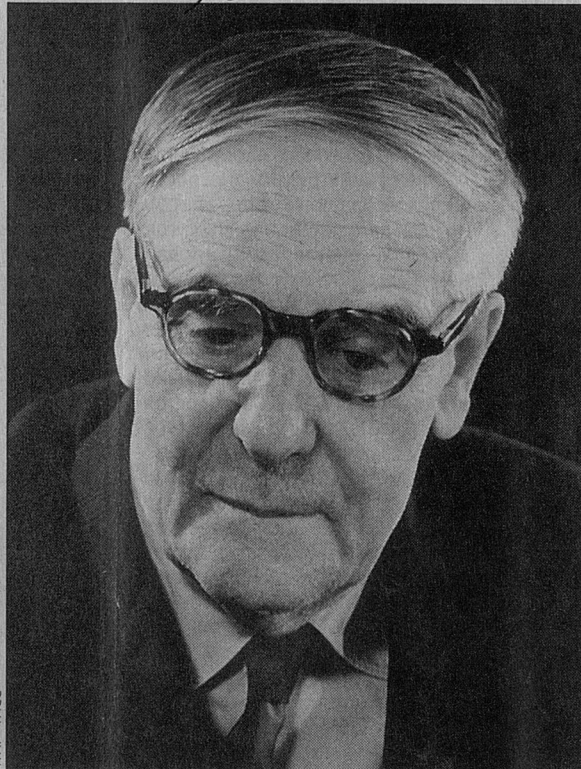
— Вы встречались и дружили со многими выдающимися людьми ушедшего века. Были ли среди них, на ваш взгляд, гении?

— Прежде всего Пастернак. Мы жили на соседних дачах, беседовали, он писал мне записки. Незадолго до смерти Борис Леонидович сказал, что, по его мнению, он занимается в искусстве тем, чем занимается наука: описывает не действительность как она есть, ведь она закрыта занавесом, а движение этого занавеса, которое каким-то образом связано с тем, что скрыто за ним, но не больше. Этот взгляд соответствует вероятностной картине мира, квантовой механике.

Гением был математик Колмогоров, с которым мне пришлось вместе работать. У него был очень широкий, философский взгляд на мир. Помню, он вычислил энтропию каждой строчки «Евгения Онегина», количество информации в

каждом слове романа. Вывод был такой: для общества дешевле вырастить еще одного Пушкина, чем создать программу, которая создала бы текст, сопоставимый с «Онегиным».

Гением был Капица, которого отличала абсолютная здравость мышления. Думаю, государство очень много потеряло, что не допустило его к государственной деятельности. Сталин с 30-х годов поверил в то, что Капица — великий ученый. Он на Политбюро читал письма Капицы и спрашивал Берия: «Слушай, Лаврентий, как плохо он о тебе пишет». Сталин отвечал на эти письма! Капица вызволил из тюрьмы Ландау. Это был гигантский ум, он блестяще решал многие задачи, но из-за особенностей биографии предпочитал от многих вопросов отшучиваться. Сахаров принадлежал к тому же типу, что и Капица, но его здравому уму, мне кажется, не хватало оригинальности, что вовсе не означает ошибочности. Кстати, мозг у Сахарова был устроен как у

Петр Капица

Леонардо да Винчи: он мог писать левой и правой рукой независимые тексты, мог писать одновременно два зеркальных текста.

К слову, я не склонен думать, что гениальность связана с личными качествами. Здесь Пушкин преувеличил: с моралью все очень сложно...

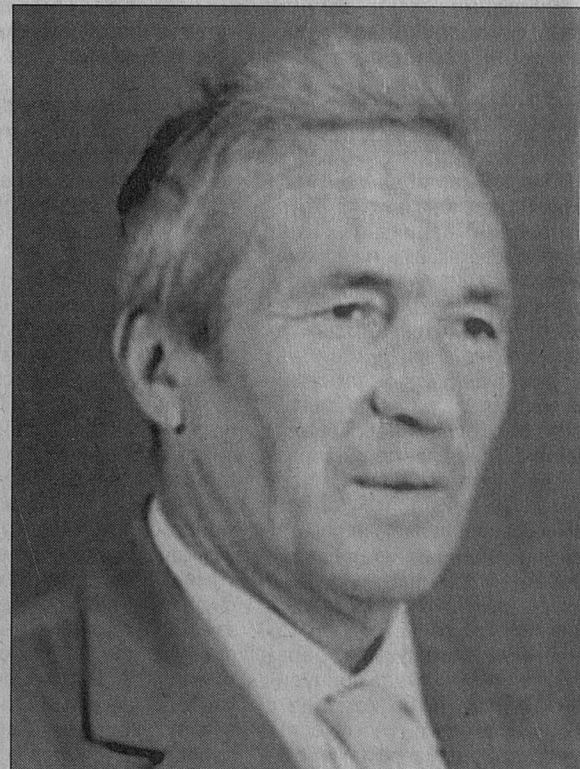
— Вы много лет посвятили исследованиям мозга. Работали над этой проблемой, в том числе и в оборонном комплексе. Сегодня центром исследований мозга стали США.

— В США объявлено «десятилетие мозга». Проблема уделяется много внимания на государственном уровне. Прогресс впечатляющий. Но возможные последствия вторжения в головной мозг несопоставимы ни с атомным, ни с экологическим ударом. Сегодня внушение паники большой группе людей проблемы не составляет. По моему убеждению, нужен международный орган типа МАГАТЭ, который

контролировал бы эту проблему. Опасность для человечества представляют и работы по генетике, клонированию, евгенике, которые по существу не ограничены законодательством. У меня нет ощущения, что в США, где эти работы ведутся наиболее активно, есть механизмы, которые воспрепятствуют применению их результатов в опасных целях.

— Вячеслав Всеволодович, сколько языков вы знаете?

— Я совсем не полиглот. Объясняюсь на всех европейских языках. Читать могу на ста. Но это не так сложно. В мире вместе с мертвыми 6 тысяч языков, которые разделяются на 40 семейств. Крупных — всего с десяток. Последнее мое увлечение — язык тохаров, самый восточный из индоевропейских языков. Тохары жили в китайском Туркестане и, по найденным мумиям, имели европейские черты лица. Я уверен, что глубокие проблемы современности можно понять, только изучив реку времени, кото-

Андрей Колмогоров

рая ведет нас к жилищам ушедших народов.

— Когда же Россия выберется из полосы революций и реформ и вступит на спокойный, как вся Европа, эволюционный путь?

— Во Франции революционные волны не затихали на протяжении 80 лет. России с учетом ее размеров понадобится около ста лет.

— И нас в итоге ждет российский аналог Парижской коммуны? И диктатор Тьер?

— Этого боюсь больше всего. Этого надо избежать любой ценой.

— Вячеслав Всеволодович, вам не скучно в Америке?

— Скучно. Если бы у меня была крупная идея о будущем России, ради которой стоило бы пусть даже пожертвовать собой и вернуться домой, я бы не задумывался. Но такой идеи у меня нет. Жизнь, вероятно, сложится так: полгода буду проводить в Америке, полгода — преподавать в российских университетах.